

Хо Уцзю понимал: есть слова, которые, не будучи сказаны вовремя, рискуют навсегда остаться невысказанными; есть ложь, которая, будучи принята по умолчанию, лишает возможности пойти на попятную.

Например, история с Ли Чаннином.

В самом начале лекарь обманул Цзян Суйчжоу, заявив, что ноги генерала неизлечимы, а Вэй Кай притворился лишь учеником Ли Чаннина, а не подчиненным Хо Уцзю. Тогда он промолчал, тем самым подтвердив эти слова. И если теперь признаться Цзян Суйчжоу, что он может стоять, — значит признать и факт заговора, и намеренный обман.

Возможно, ему просто не хватало опыта в делах сердечных и интригах, и он не знал, как выпутаться. А может, в глубине души он чувствовал необъяснимую вину — он боялся, что Цзян Суйчжоу разгадает те истинные мотивы, что скрывались за его ложью.

Как бы то ни было, то жгучее, непреодолимое желание поделиться радостью с принцем он силой подавил в себе. Это чувство застряло в нем, словно рыба кость в горле, колючая и невыносимая.

Но об этих терзаниях Цзян Суйчжоу не мог и догадываться. Он находился у Сюй Ду, и они вдвоем неспешно пили чай.

Некоторое время назад, обсуждая это дело с Хо Уцзю, Цзян Суйчжоу прислушался к мнению генерала. Хо Уцзю одобрил его рискованную затею, и принц приступил к расстановке фигур на доске.

Он задействовал все связи прежнего владельца тела и нашел одного человека, затаившегося в Министерстве наказаний, с которым тайно связался. Узнав, что Ци Миня собираются подставить, тот охотно согласился помочь. Именно этот человек стал сегодня тем самым «спасательным кругом», вытащившим Ци Миня из петли прямо в зале суда.

Цзян Суйчжоу велел ему заговорить именно в тот момент, когда император впадет в ярость. Нужно было не просить милости, а, напротив, изобразить праведный гнев и потребовать отсрочки казни, чтобы «вырвать сорняк с корнем» и выявить всех сообщников Ци Миня, якобы связанных с врагом.

План Пан Шао и Чжао Дуньтиня был настолько тайным, что даже в их собственном лагере о нем знали лишь единицы. Стоило чиновнику озвучить это предложение, как остальные прихвостни Пана тут же его поддержали. Ведь если под горячую руку попадутся другие недовольные режимом Пан Шао, им это будет только на руку.

Так жизнь Ци Миня была на время спасена. А дальше на сцену вышел второй актер.

В тронном зале поднялся невообразимый шум. Многие сановники поддержали предложение чиновника из Министерства наказаний. Вскоре добрая половина придворных стояла на коленях, умоляя государя оставить Ци Миня в живых на несколько дней, чтобы выудить из него побольше сведений перед смертью.

Напор был велик, а государь, не отличавшийся твердостью характера, при виде этой колышущейся толпы чиновников тут же сдался. Он приказал провести тщательное расследование в отношении всех приближенных Ци Миня.

В этот момент, когда в зале воцарилась напряженная тишина, один из чиновников с грохотом повалился ниц.

— Истинная правда в словах Вашего Величества! Ци Миня нужно проверить, а все остальные предатели, якшающиеся с Северной Лян, заслуживают смерти! — воскликнул он. — Однако у меня есть опасение, и я смиренно прошу государя выслушать меня!

Сановники обернулись. На полу лежал чиновник шестого ранга из ведомства Ци Миня. Он сдал экзамены всего несколько лет назад и с тех пор работал под началом министра. Они не были близки, но формально он считался человеком из его круга.

— Говори, — велел император.

Чиновник поднял глаза, обвел зал взглядом и ударил челом об пол:

— Письма в доме Ци Миня нашли лишь потому, что застали его врасплох. Но если сейчас Ваше Величество открыто объявит о розыске, виновные успеют подготовиться и уничтожить улики. Тогда шпионов будет не сыскать.

Император прислушался — звучало логично.

— И что же ты предлагаешь, любезный?

Чиновник стиснул зубы и громко произнес:

— У Ци Миня есть несколько доверенных коллег и учеников. Государь знает их имена. Пусть императорская гвардия немедленно отправится с обыском в их дома, пока все сановники остаются здесь, в зале. Никого не выпускать, пока обыск не завершится!

Присутствующие ахнули. Что это за безумство? Держать всех сановников как преступников под замком, пока в их домах громят всё подряд? Неслыханная дерзость!

Но многие смекнули: этот юнец идет ва-банк. Понимая, что Ци Минь обречен, а он сам — его подчиненный, чиновник решил первым «продать» своего наставника и его сторонников, чтобы выслужиться перед государем.

Чиновники, связанные с Ци Минем, побледнели от тревоги. Многие смотрели на «предателя» с нескрываемым презрением.

Зато на лице Пан Шао промелькнуло ликование. Он знал, что окружение Ци Миня вряд ли абсолютно чисто перед законом. Даже если не найдут улик измены, наверняка всплывет какой-нибудь другой компромат. Раз уж он свалил Ци Миня, самое время выкорчевать всё его влияние, чтобы некому было мстить.

Подумав так, он сделал шаг вперед:

— Я поддерживаю это предложение. Преступление против государства нельзя недооценивать. Ваше Величество, стоит попробовать.

Император, и так уже склонявшийся к этому варианту, услышав одобрение Пан Шао, кивнул:

— Да будет так.

Пан Шао тут же услужливо продиктовал имена нескольких чиновников, которые постоянно

вставляли ему палки в колеса, но на которых у него раньше не было управы.

Когда он закончил, тот самый инициативный чиновник добавил:

— Ваше Величество, господин Чжао Дуньтинь хоть и донес на учителя, но он его любимый ученик и всегда был с ним близок. Его дом тоже нельзя оставлять без внимания.

Пан Шао бросил на него мимолетный взгляд. Чиновник смотрел прямо на государя, ожидая приказа.

Пан Шао лишь холодно усмехнулся про себя. «Карьерист до мозга костей, а ума — ни на грош. Лезешь вперед батьки в пекло, лишь бы выслужиться, совсем берега потерял».

Впрочем, Пан Шао был спокоен. Его связи с Чжао Дуньтинем не оставили и следа, а единственная улика — те самые письма — уже была подброшена в дом Ци Миня. Чжао Дуньтиню нечего бояться. Напротив, обыск в его доме лишь отведет от него подозрения в преднамеренном оговоре.

С этими мыслями Пан Шао ледяным тоном произнес:

— Моя оплошность, совсем забыл про господина Чжао. Раз они связаны узами наставничества, пусть обыщут и его.

Пока во дворце кипели страсти, вести в поместье принца Цзина летели на крыльях ветра. Цзян Суйчжоу наблюдал, как ситуация шаг за шагом разворачивается по его сценарию, и тяжесть на его сердце начала понемногу отпускать.

На закате пришло самое важное известие. В доме Чжао Дуньтиня нашли письма.

И это были письма от Пан Шао. Несколько посланий, написанных от лица доверенных слуг великого ситу, в которых подробно расписывалось: как подставить Ци Миня, какие именно фальшивки подложить и как под предлогом визита к больному учителю пронести их в его кабинет.

Письма были спрятаны в глубоком тайнике, и их содержание до мельчайших деталей совпадало с тем, что происходило в последние дни.

При виде этих бумаг Чжао Дуньтинь впал в неопишуемый ужас, крича о своей невиновности. Но улики были неоспоримы. Ему было нечего возразить. Его тут же заковали в кандалы и отправили в темницу, а Ци Миня — выпустили.

Пан Шао пытался оправдаться перед государем, но тот не желал слушать ни слова. Впервые в жизни император разгневался на своего фаворита по-настоящему и велел вышвырнуть его из дворца.

Цзян Суйчжоу знал: раз это не касалось измены государству, Пан Шао не понесет сурового наказания за подставу чиновника. Однако трещина, возникшая между ним и императором, теперь будет лишь расти, пока не станет пропастью. Для Пан Шао это была потеря куда более страшная, чем любой штраф или ссылка.

Цзян Суйчжоу выдохнул с облегчением, велел Сюй Ду заканчивать дела и покинул его покои,

возвращаясь в Анъиньтан.

Проходя мимо сада, он велел носильщикам свернуть к винному погребу. Там он взял два кувшина отменного вина и, прижимая их к себе, зашагал дальше. Такую победу грех не отпраздновать!

Когда он вернулся в Анъиньтан, во дворе уже зажгли огни. Спрыгнув с паланкина с вином в руках, он направился было к своим дверям, но замер. Он стоял посреди двора и смотрел на северную сторону, где в окнах комнаты Хо Уцзю мягко плясал свет ламп.

Сердце Цзян Суйчжоу сладостно екнуло. Разве можно пить такое радостное вино в одиночку?

Подумав об этом, он развернулся и решительно зашагал к теплему свету за окном.

<http://bllate.org/book/16965/1583479>